

— Неужели? Видя, как сильно ты печешься обо мне, постоянно вклиниваясь в разговор, я уж было подумал, что ты и сама мечтаешь войти в резиденцию князя Чжао. Оказывается, я ошибся, — холодно произнес Чу Цююнь.

Услышав это, окружающие вдруг осознали: Линь Сычжэн ведь и правда сначала сама заговорила с князем, а потом первой бросилась мешать ему есть деликатесы...

Те, кто еще мгновение назад втайне хвалил Линь Сычжэн за великодушие и сообразительность, теперь, глядя на лицо Чу Цююня, вдруг подумали о другом. Неужели она и в самом деле постоянно следила за князем, пытаясь привлечь его внимание?

— Сычжэн! Хватит болтать и вести себя неподобающе! Никакого воспитания! Вернешься в поместье — сама примешь наказание по семейным правилам! — с гневом воскликнул Линь Ичжо.

Любой проницательный человек понимал: премьер-министр просто выгораживает дочь, пытаясь спасти ее от гнева князя. Но для самой Линь Сычжэн, чьи глаза были застланы завистью, эти слова прозвучали совсем иначе.

— Слушаюсь, отец, — Линь Сычжэн опустилась на колени и поклонилась, касаясь лбом пола. В ее глазах стояли слезы, но она изо всех сил старалась не дать им пролиться, а невыплеснутая обида тяжелым грузом ложилась на сердце.

У нее нет воспитания? Да во всем банкетном зале, во всем государстве Чу, кто может быть невоспитаннее, чем Линь Цзинью! Все только потому, что та — законная дочь, а она — всего лишь рожденная наложницей!

Чу Цююнь, решив, что легко поставил Линь Сычжэн на место, обернулся и заметил, что Цзююэ не ест и не вертит по сторонам глазами, как обычно. Она опустила взгляд и смотрела в одну точку, погружившись в свои мысли, и вид у нее был совсем невеселый.

Чу Цююнь подсел к ней, но не успел и слова вымолвить, как она вскочила на ноги.

— Ваше Величество, я... мне нужно выйти подышать, — произнесла Цзююэ, неуклюже поклонившись, как ее учили.

— Иди, иди! Если что-то нужно, обращай к Цююню! — император был в прекрасном расположении духа и легко отпустил ее.

Цзююэ, не меняясь в лице, еще раз поклонилась и вышла.

Не успела она отойти от зала и на пару шагов, как услышала, что Чу Цююнь окликнул ее и последовал за ней. Однако вместо того чтобы остановиться, она лишь прибавила шагу.

Цзююэ быстро подошла к черному коню, отвязала поводья и вскочила в седло.

— Но! — Цзююэ прищипорила коня, и тот помчался вперед. В ее детском голоске, погонявшем животное, слышалось нескрываемое раздражение.

Глядя на удаляющегося черного коня, Чу Цююнь понял, что Цзююэ намеренно избегает его. Но, прокручивая в голове события вечера и свои слова, он так и не смог понять, чем именно ее обидел. Он умел читать коварные интриги дворцовой жизни, но не мог разгадать эту простую и искреннюю девушку.

Чу Цююнь в два прыжка взлетел на голову огромной каменной статуи зверя, стоявшей у входа, оттолкнулся от нее и рванулся вперед.

Статуя: ...Ты благороден, ты велик!

Прыгая по крышам и ветвям деревьев, он вскоре нагнал скачущую Цзююэ. Чу Цююнь легко спрыгнул на круп лошади, крепко уселся позади девушки и, перехватив поводья, заключил ее в объятия.

Цзююэ вздрогнула от неожиданности, а обернувшись и увидев Чу Цююня, замерла в изумлении, смешанном с радостью. Как же круто, она тоже хочет этому научиться!

Впрочем, стоило этой радостной гримасе появиться на ее лице, как она вспомнила, что все еще сердится, и тут же насупилась.

— Уйди! Уйди от меня! — Цзююэ принялась отталкивать его руки.

Чу Цююнь почувствовал, что ситуация опасна, и натянул поводья, останавливая лошадь. Как только конь встал, Цзююэ попыталась спрыгнуть, но он подхватил ее и помог спуститься на землю.

— Ты мне больше не нравишься! Я не хочу выходить за тебя замуж! — Цзююэ принялась колотить его кулачками, топая ногами, и при этом грозно, по-детски выкрикивала свои обвинения.

— Что случилось? — Чу Цююнь улыбался, позволяя ей бить себя. Для него эти удары были не большее легкого массажа.

Он знал: настоящий уход всегда происходит безмолвно. Именно поэтому он так встревожился, когда увидел, как она молча покидает зал. А теперь, когда она выплескивала гнев, он наконец успокоился.

Хотя Цзююэ была всего лишь девушкой без внутренней энергии и, по идее, не могла от него сбежать, он почему-то чувствовал: подобно тому как она когда-то свалилась на него с небес, она в любой момент могла исчезнуть без следа. Из его жизни, из этого мира.

— Ты не будешь всегда ко мне добр, я знаю.

Цзююэ было очень больно. Устав бить его, она вцепилась в его одежду и навзрыд разрыдалась, совсем как ее третий брат.

Глядя на ее слезы, катившиеся по щекам словно жемчужины из порванной нити, Чу Цююнь почувствовал, как сжалось его сердце. Он прижал ее к себе и большими пальцами осторожно вытер влагу с ее лица.

— Как ты можешь так думать? Для меня ты — самый особенный человек, — искренне сказал он.

С самого детства он был болезненным, и врачи из императорской лечебницы не могли ему помочь. Однажды он даже обращался к провидцу. Тот сказал: у человека три души и семь начал, а у него остались лишь две души и одно начало, только чтобы поддерживать жизнь. Именно поэтому он слаб и не знает чувств.

А не хватает ему душ и начал лишь потому, что он не принадлежит этому миру — он пришел из высших сфер, и его земное тело просто не выдерживает такой мощи. Но когда придет время и исполнится его истинное предназначение, его душа станет цельной.

Тогда все врачи пророчили ему не дожить до тридцати, и лишь тот старый монах сказал, что, когда его миссия будет исполнена, он проживет сотню лет. Отец-император был так доволен, что осыпал того золотом, но сам Чу Цююнь тогда решил, что старик просто льстец.

Чувства к Цзююэ вспыхнули в нем с первой же встречи. Это не было просто увлечение — он словно всю жизнь ждал ее появления. И вот теперь, когда он дождался ее, он сам заставил ее плакать.

— Ты сказал, что хочешь, чтобы Линь Сычжэн стала наложницей! Ты потом возьмешь себе еще много-много жен! — всхлипывая, проговорила Цзююэ.

До трех тысяч лет она почти не занималась совершенствованием, потому что Почтенный баловал ее, и ей не хотелось тренироваться, а он ее не принуждал. Но когда в этот раз Почтенный ушел в затворничество, демоны-слуги нашептали ей, что Владыка Демонов рано или поздно возьмет себе супругу, а потом и наполнит гарем, и совсем забудет о своей маленькой зверушке.

Она была всего лишь духом женьшеня, чье имя выбрали так небрежно: посадили в девятом

месяце, в девятом месяце она зацвела, в девятом месяце дала плоды.

— Раз ей так нравится девятый месяц, пусть будет Цзююэ.

Ей нравилось это имя, ведь его дал ей Почтенный. Но Цзююэ проявила осторожность и всю ночь читала древние книги Мира Демонов, которые подтвердили слова слуг. Все Владыки Демонов были ветреными, их возлюбленных — демонов, людей и небожителей — было не счесть, ведь все они, без исключения, обладали утонченной красотой и невероятной силой.

Именно поэтому Цзююэ начала усердно тренироваться, желая поскорее принять человеческий облик и удивить Почтенного, когда тот выйдет из затворничества, а не оставаться лишь маленьким питомцем при нем.

Она и подумать не могла, что в мире людей все так же — гаремы и наложницы. Она ненавидела это всей душой. Ей нравился Цю-Цю, ведь он был так похож на Почтенного, но его слова разрушили последнее чувство защищенности, которое у нее оставалось.

<http://bllate.org/book/21521/2208509>